

Ю. Я. Вин

МОТИВАЦИИ АКТОВ ПОЗЕМЕЛЬНЫХ ОТЧУЖДЕНИЙ ВИЗАНТИЙСКИХ КРЕСТЬЯН

*...психологическое толкование
лежит в основе всех остальных методов
исторической интерпретации источников.*

А. С. Лаппо-Данилевский

В статье анализируются мотивы поземельных сделок византийских крестьян: отчуждений, обменов и завещаний.

Ключевые слова: акты, поземельные отчуждения, дарение, завещание, обмен, купля-продажа, мотивы, средневековый менталитет, психология, византийское крестьянство, собственность, натуральная экономика.

Акты поземельных отчуждений византийских крестьян, которые относятся главным образом к последнему периоду истории Византии (XIII–XV вв.), весьма многообразны по содержанию. Исследование характера крестьянского землевладения и объема правомочий разных категорий селян, принципиальных отличий мелкой и крупной земельной собственности настоятельно требует пристального анализа купчих, дарственных и завещаний. При этом на передний план выходят некоторые детали их формуляра, которые обнаруживали себя с наибольшей ясностью именно в поздневизантийский период, благодаря чему дипломатика частного акта этого времени неоднократно оказывалась предметом специального изучения¹. Как правило, подобные документы отражают факты покупок, дарений и завещаний недвижимости, произведенных в пользу монастыря, в архиве которого они хранились².

При использовании актов дарения, завещания и продажи, исходящих от частных лиц, зачастую возникают трудности с установлением общественного положения контрагентов сделки. Безусловно, во многих

---

¹ Подробнее см.: Вернадский. 1925. С. 35-43; Каждан. 1950. С. 387-393; Каждан. 1952. С. 28-36; Медведев. 1979. С. 124-147; Медведев. 1988. С. 43-99; Ferrari. 1910. P. 8-111; Ferrari. 1935. P. 249-263; Simon. 1971. S. 155-181; Kravari. 1992. S. 77-88.

² Лишь очень немногие из них содержат свидетельства об отчуждении крестьянских имуществ светским собственникам. Например, в кодексе Патмосского монастыря ряд документов начала XIII в. отображает процесс скупки крестьянских наделов протовестиаритом Георгием Евнухом. ММ. VI. 156-158, 158-160, 160-162, 162-164, 164-165. Подробнее см.: Фрейденберг. 1956. С. 118; Морозов. 2005. С. 49.

документах зарегистрированы отчуждения земельных имуществ представителей господствующих групп общества. Иногда социальное положение дарителя или продавца выясняется непосредственно из содержания документа. Часто основанием для установления статуса служат особенности формуляра акта³. Для дарителей и продавцов, занимавших высокое общественное положение, характерно тщательное нотариальное оформление, которое подтверждает юридически дееспособность контрагента сделки⁴. Важен и статус свидетелей сделки, поскольку скрепление документов подписями высоких должностных и сановных лиц может указывать на соответствующий статус контрагента сделки.

Особое значение играет преамбула документа. Ведь именно она в первую очередь, как видно на примерах многих завещаний, раскрывает «причины составления акта», а в пространных их редакциях содержит «экспозицию» — раздел, в котором обычно излагаются биографические сведения о завещателе⁵. Но даже при отсутствии ярко выраженной преамбулы почти любой акт сохраняет вводные формулы «духовного содержания», которые мотивируют юридические действия ссылками не только на предписания формуляра, касающиеся здоровья, добровольности распоряжения, приближения кончины и т.п., но и конфессиональную догматику⁶. Без сомнения, витиеватые библейские цитаты и реминисценции святоотеческой литературы не просто свидетельствуют о духовном устроении завещателя, как и дарителя или продавца⁷. Подчас содержащиеся в тексте рассказы о причинах, побудивших к заключению сделки, цитата из священного писания, а иногда и ссылка на ту или иную норму права, изобличая начитанность или другие особенности общественного поведения, становятся надежным признаком высокого социального статуса главных субъектов соответствующих правовых действий⁸. Наилучшим доказательством тому служит завещание Феодора Сапуа, трапезундского землевладельца и воителя, поднявшегося на долгом жизненном пути до уровня авторитетного церковного деятеля, игумена монастыря. Вышедший из-под пера Феодора документ отличает наглядная своеобычность, выделяющая его из общего

³ Об условном формуляре частного акта подробнее см.: *Медведев*. 1979. С. 124-147; *Медведев*. 1988. С. 43-99.

⁴ *Kravari*. 1992. P. 78, 85, 87.

⁵ *Гепд*. 1994. С. 243 и далее, 245.

⁶ Там же. С. 244 и далее.

⁷ Ср.: *Гепд* 1994. С. 254.

⁸ Напр., ср.: ВА. № 52; № 60; № 65; № 79; № 100; *Chil.** № 53; № 69; № 99; *Xén*. № 8; № 9.

ряда поздневизантийских завещаний общей архитектурой изложения причин последнего волеизъявления⁹.

Документы об отчуждении земельных наделов, совершаемых мелкими земельными собственниками, достаточно многочисленны. Нередко акты сделок, произведенных разными мелкими землевладельцами, бывают объединены или скопированы вкуче, составляя один, общий для всех документ¹⁰. В свое время М. М. Фрейденберг соотносил свидетельствующие, по его мнению, о возникновении отношений личной зависимости краткие формулировки документов с типом акта дарения, не распространяя того же критерия на акты продажи¹¹. В настоящее время у византинистов не вызывает сомнения то обстоятельство, что и для актов продаж, как и для дарений и завещаний мелких землевладельцев, характерен сжатый формуляр и скудость сведений о контрагентах сделки¹². Поэтому использование актов этой категории правомерно только после сопоставления всех сведений о каждом контрагенте такой сделки и всех ее свидетелях, которые приводятся в различных документах. Необходимо особо отметить, что типичной чертой поземельных сделок крестьянства являлась практически непрменная причастность к ним членов семей и родственников землевладельцев, скреплявших своими подписями акты отчуждения земельных участков. При этом сведения о домочадцах и односельчанах, выступивших свидетелями сделок, позволяют изучать как семейно-родственные отношения, так и нормы общинного землепользования¹³.

Благодаря своим сведениям акты отчуждения семейной собственности, может быть, как никакие иные, предоставляют возможность для раскрытия важнейших особенностей крестьянской ментальности. А. Е. Лаиу, придерживаясь формально-правовой интерпретации актов, отмечает, что нередко отчуждения недвижимости сопровождало составление договоров, сочетавших в себе черты и продажи, и — одновременно — дарения. Исходя из мотивации экономических интересов покупателей и продавцов к получению наибольшей «прибыли» — своей главной теоретической посылки, Лаиу объясняет казусы продаж, якобы замаскированных под дарения, устремлением партнеров подобных сделок избежать юридических ограничений. В их числе она назы-

⁹ ВА. № 107. Ср.: *Герд*. 1994. С. 244-245.

¹⁰ Напр., см.: *Chil.* * № 109; *Zogr.* № XIX; *Xér.* № 16. Также см.: *Медведев*. 1988. С. 32-33; *Kravari*. 1992. P. 85.

¹¹ *Фрейденберг*. 1956. С. 118-119.

¹² *Kravari*. 1992. P. 85-86.

¹³ См.: *Kravari*. 1992. P. 85-88.

вает нормы, обусловленные правом предпочтения, а также ранневизантийским законодательством, которые касались размеров уплачиваемых за отчуждаемые имущества денежных сумм в соответствии с представлениями византийцев о «справедливой цене»¹⁴. Не оспаривая это суждение, отсылающее нас к постановлениям Диоклетиана (С.IV.44.2) и Юстиниана (С.IV.38.15; I.III.23.1)¹⁵, нельзя не процитировать меткого высказывания А. С. Лаппо-Данилевского о затруднениях, с которыми при изучении подобных документов встречается историк: «ведь даже для понимания какого-либо обоюдостороннего акта, вроде например, купчей, он далеко не всегда в состоянии установить “общее намерение” сторон: замечая, что каждый из контрагентов преследует свою цель, он не всегда может определить “общую” их волю, хотя бы в одном только юридическом ее смысле...»¹⁶.

Итак, в актах можно отыскать немало примеров обусловленного теми или иными причинами сочетания сделок продаж и дарений. Например, рассмотрим форму отчуждения земельного надела некоего Иоанна, его супруги и детей, которые, вероятно, в начале XI в. уступили в монастырь Гомату свои «засеянные хорафии (пашенные поля)» в окрестностях Хрисиппу. В то время как совершившие это отчуждение землевладельцы говорят о «таковом даре» (τὴν τοιαύτην δωρέαν) и «необратимом дарении» (τὴν... ἀμετάρρεπτον δωραίαν), в описании сделки упоминается денежное «возмещение» (ἀντιστρέφην)¹⁷. На первый взгляд этот факт полностью подтверждает правоту А. Лаиу. Вместе с тем, обращает на себя внимание непосредственное упоминание о сочетании двух видов отчуждений в акте афонского прота Феодора, который в 1257 г. принял решение передать одну из разрушенных обителей настоятелю монастыря Алопу Феофану. Он, в свою очередь, предъявил «написанный заверенный документ в части обмена и продажи» (ἔγραφον πεπιστωμένον δικαίωμα ἐν μέρει ἀνταλλαγῆς καὶ πρᾶσεως), полученный от предшествующего святогорского главы Дометия Иерусалимита и его сподвижников¹⁸. Схожий вариант двойной сделки представляет акт отчуждения городской усадьбы в Фессалонике, которое совершили в 1315 г. местный клирик Никифор Кладон и его супруга в пользу Ксенофонтова монастыря¹⁹. Одну половину своей недвижимо-

¹⁴ Laiou- Morrisson. 2007. P. 227-228.

¹⁵ Подробнее см.: Дождев. 1999. С. 570.

¹⁶ См.: Лаппо-Данилевский. 2006. С. 335.

¹⁷ См.: Kutl. № 5.1-12, 19-21.

¹⁸ См.: Kutl. № 2.1-3 etc.

¹⁹ См.: Χέν. № 10.

сти они передают названной обители в качестве дара, а другую — продают. При этом, однако, на первый план вынесены благочестивые мотивы их дарения, объясняемые посвящением памяти господина Никифора Кладона, архиепископа Веррои Никифоре, монастырского настоятеля Феодосии. Что же касается проданной доли входивших в усадьбу домов, то размеры денежной платы мотивирует «общее и удовлетворение, и желание» обеих сторон, что удостоверил целый ряд свидетелей²⁰. Да и ближайшие соседи по кварталу, среди которых назван протопапа Георгий Каталакт, не остались в стороне от совершенной сделки, на что указывает преамбула акта²¹. Более того, в обеспечение гарантии сделки продавец «отказывает» (παραιτοῦμαι) и доселе принадлежавшее ему «право близости» (τοῦ πλησιασμοῦ δίκαιον), то есть право предпочтительной покупки, которое отныне переходит Ксенофонтову монастырю вместе с проданными и посвященными домами²². Очевидно, что сходными благочестивыми намерениями руководствовалась и семья Иоанна Сисиния, когда в 1327 г. жертвовала Алипийскому монастырю «некую долевою» (τί μερικὸν), точнее — одну четвертую, часть (μερίδιον) наследственной мельницы близ Ревифиона. Однако это не стало препятствием для продавцов, чтобы получить за их дар от монастырского эконома в виде денежной компенсации «самую маленькую цену» (τίμημα μικρὸν), и для «достойных веры свидетелей», чтобы подтвердить законность совершенной сделки²³.

Анализируя обстоятельства подобных отчуждений, необходимо указать на совершенно справедливое мнение И. П. Медведева, согласно которому смешению в документе формулярных признаков продаж, дарений и других типов сделок присущ сугубо эклектичный характер, объясняемый преломлением в повседневной действительности правовых установок византийцев²⁴. В этом свете не нуждается в особых комментариях, к примеру, и выявленный вселенским судьей Николаем Матарангом при рассмотрении в 1341 г. условий продажи монастырю владельцем садового участка в г. Серры факт «некого уменьшения достойной цены» (τινος ἐλαττώσεως τοῦ ἀξίου τιμήματος) «ради душевного спасения»²⁵. Иначе говоря, сугубо средневековая природа актов отчуждения семейной и иных разновидностей собственности обуслов-

²⁰ Xén. № 10.18-21 etc.

²¹ Xén. № 10.1 etc.

²² Xén. № 10.43-48.

²³ Kutl. № 13.1-10 etc.

²⁴ См.: *Медведев*. 1979. С. 128-129 и далее; *Медведев*. 1988. С. 49-50.

²⁵ См.: Kutl. № 19.35-36.

лена, думается, нерасчлененным восприятием людей далекой от нас эпохи материальных и духовных явлений их жизни.

Простейшее соединение дарений и продаж демонстрирует серия свыше 50-ти актов поземельных отчуждений, в том числе дюжины дарственных, с упрощенным (ввиду краткости) формуляром, которые составлены мелкими собственниками в 1310 г. и в последующие годы в пользу монастыря Ксиропотаму²⁶. В общем ряду требует внимания сделка Георгия Контотрику. Из пяти небольших земельных участков — виноградников и пашенного поля, которые передал в монастырь названный селянин, он продал только один, а четыре жертвовал ради своего «душевного спасения»²⁷.

Средневековые отчуждения недвижимости были мотивированы, как правило, благочестивыми намерениями. Так, в серии более 20-ти отчуждений — продаж, дарений и завещаний — в пользу Ватопедского монастыря, совершенных в 1308-12 гг. окрестными мелкими собственниками (надо полагать, крестьянами и вотчинниками), выделяется акт дарения иерея Феодора Корма. Сущность его дарения, как и в других аналогичных вкладах, выражает глагол «дать» в аористной форме 1 л. ед. ч. (ἐδωκα) и, несмотря на немногословность документа, благочестивая мотивация, облеченная в формулу «ради душевного спасения», которой предшествует указание на размер полученного, тем не менее, денежного вознаграждения. Этой записи сопутствует разъяснение о том, что отчуждаемый участок ранее был выкуплен Феодором у его брата «кира» («господина») Константина²⁸. При этом было бы опрометчиво подозревать священника в попытке укрывать характер отчуждения от родного брата с целью предотвратить иск о праве предпочтения, поскольку, вероятно одновременно, Константин Корм и сам идет на двойную сделку с монастырем, которому одно пашенное поле продает в присутствии свидетелей, включая иерея Феодора Корма, а другое дарит «ради душевного спасения»²⁹. Таким образом, природа его дарения предстает как результат целенаправленного действия: сначала Феодор выкупает пашенное поле у своего брата, а затем совершает вклад в монастырь, получив от него компенсацию за предшествующие издержки. В любом случае, мотивация поступков Феодора Корма, как и его брата, заключалась в их благочестивой заботе о спасении своей души.

²⁶ См.: Хέρ. № 16.

²⁷ Хέρ. № 16.293-298.

²⁸ См.: Vatop. I. № 43.XIX.104-105.

²⁹ См.: Vatop. I. № 43.XX.106-108.

В той же серии актов отметим аналогичным образом совершённые вклады на помин души. Например, отчуждения наделов Ирины и ее сестры Зои, дочерей «кира» Георгия, покойного иерея и протопапы епископии Иериссо. Они, сначала от своего имени, как подчеркивается в документе — по воле их дяди, также «кира» Георгия, иерея и хартофилакса названной епископии, продали Ватопедскому монастырю свое пашенное поле³⁰. А затем, уже от имени их дяди, но при прямом участии племянниц — дочерей покойного «зятя», совершено отчуждение в названный монастырь другого пашенного поля, которое, как писали родственники, «мы передаем» в монастырь, поскольку покойный, дескать, этот свой надел «оставил на кончину ради душевного спасения»³¹.

Подобные усложненные схемы отчуждений земельных наделов мелких собственников характерны и для их обменов, о чем свидетельствует вторая серия в архиве Ватопедского монастыря кратких актов отчуждений небольших земельных участков, которые были произведены в 1337–38 г.³² Главной особенностью документов этой серии, включающей сведения о более чем 110-ти сделках, является тот факт, что все они совершены в пользу Феодоры Ангелины Кантакузины, матери Иоанна VI Кантакузина³³. Судя по всему, незадолго до своей кончины в 1342 г. она пожертвовала приобретенную ею землю в названный монастырь, о чем упоминает ватопедский практик 1368 г.³⁴ Абсолютное большинство актов этой серии составляют никак не мотивированные продажи, наряду же с ними следует отметить единичные образчики дарений и обменов. В частности, выделяется выпадающий из общего ряда обмен пашенного поля, на который пошли монахи монастыря Кувуклиев. Возможно, однако, подразумевается дарение или, не исключено — двойной обмен. Судя по не вполне вразумительным объяснениям монахов, прежде чем заключить соглашение с Феодорой, они предварительно совершают сделку с Николаем Мавром, выкупившим в свою очередь земельный надел у иерея Димитрия Куписта, видимо, мелкого землевладельца, поскольку интересовавший монахов участок лежал «вблизи нас», то есть по соседству с их монастырем³⁵.

За исключением описанного случая все остальные обмены второй ватопедской серии актов отчуждения осуществлены индивидуальными

³⁰ См.: Vatop. I. № 43.IV.22-27.

³¹ См.: Vatop. I. № 43.V.28-33.

³² См.: Vatop. II. № 80.

³³ Подробнее см.: PLP 5. № 10942.

³⁴ См.: Vatop. II. № 128.6-7.

³⁵ См.: Vatop. II. № 80.14.83-89.

собственниками, в том числе обмен пашенного поля Поту, также выкупленного заранее у другого владельца — семьи Влизимадов³⁶. Можно предположить, что эта сделка с Феодорой Кантакузиной была проведена как первый в ряду других обмен наделов, которые, вероятно, были связаны между собой. Дело в том, что названному Поту был продан другой участок, на который семья некоего Иоанна и Марии обменяла с Феодорой принадлежавшее им пашенное поле³⁷. Отметим также не только дарение Феодоре Кантакузине надела некоего Иеракия³⁸, но и целый ряд индивидуальных ее обменов с группой мелких землевладельцев, одному из которых была при этом выплачена денежная компенсация. Все указанные процедуры произведены в «новом», как подчеркивается, имении («зевгилатии») Феодоры³⁹. Вероятно, эта деталь раскрывает подлинную причину всех остальных сделанных аристократичной собственницей ста девяти приобретений. Они объясняются организацией крупного хозяйственного комплекса, который его создательница изначально собиралась жертвовать в монастырь, о чем говорят произведенные в пользу Феодоры дарения, с одной стороны, и с другой — отвечают потребностям мелких земельных хозяйств, чьи владельцы в своем большинстве нуждались, по всей видимости, в денежных средствах, а если нет, то обусловлены (в случаях обменов) территориальным расположением наделов. В силу данных обстоятельств формуляр отчуждений в пользу Феодоры Кантакузины полностью свободен от клаузулы, провозглашающей целью «душевное спасение» или «благочестивое пожертвование» прежних владельцев земельных участков. Вместе с тем нет оснований утверждать, что сочетание продаж с дарениями и обменами продиктовано стремлением к «чистогану»: скорее, речь идет не о наживе, а о компенсации произведенных мелкими земельными собственниками и держателями расходов.

Привлеченные примеры позволяют поставить вопрос о важности изучения материалов продаж, дарений и других видов имущественных операций, совершаемых в конкретных районах. Они, по мнению современной исследовательницы, имевшей в виду натуральный характер производимых отчуждений, порою отображают в высшей степени «средневековый» тип экономики⁴⁰. Благодаря большой повторяемости личных имен, административных и топографических названий материа-

³⁶ Vatop. II. № 80.25. Также см.: Ibid. № 80.26.169.

³⁷ Vatop. II. № 80.52. Также см.: Ibid. № 82.74-75.

³⁸ См.: Vatop. II. № 80.102.

³⁹ См.: Vatop. II. № 80.103.

⁴⁰ Ср.: *Saradi-Guelph* 1995. S. 412.

лы актов обеспечивают возможность изучать историю отдельных крестьянских семейств и их хозяйств. Удастся проследить жизненный путь и некоторых представителей мелкоземельного землевладения, и общие закономерности общинного землевладения. Так, изучение имен свидетелей в актах продаж, дарений и других документах Вазелонского монастыря косвенно подтверждает не только действенность основных норм права предпочтения, но и специфику их восприятия в сознании рядовых жителей поздневизантийского села, несомненно, весьма значимую для регулирования поземельных отношений между ними и сохранения общинных связей.

Изучение мотиваций актов земельных отчуждений византийских крестьян дает основу для понимания восприятия жизни средневековым человеком. Он, выступая лицом, от имени которого византийские делопроизводители составляли документ, можно сказать — его «автором», вольно или невольно обращался к тем или иным стереотипам формуляра. Однако акты сделок рядовых селян, в чьих документах формулярные клаузулы, как правило, сведены к минимуму, свидетельствуют, что именно собственное волеизъявление агента сделки (продавца, завещателя, дарителя) определяло ее характер и форму отчуждения недвижимости, отражая реальные отношения и раскрывая в мотивациях актов особенности средневековой ментальности.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Вернадский Г. В.* Заметки о византийских купчих грамотах XIII в. // Сборник в честь на Василь Н. Златарски. София, 1925. С. 35-43.
- Герд Л. А.* Византийские завещания: функции преамбулы // Вспомогательные исторические дисциплины. СПб., 1994. Вып. 25. С. 240-255.
- Дождев Д. В.* Римское частное право. М., 1999.
- Каждан А. П.* Аграрные отношения в Византии XIII–XV вв. М., 1952.
- Каждан А. П.* Локальные формуляры поздневизантийских грамот // ВВ. 1950. Т. 3. С. 387-393.
- Лаппо-Данилевский А. С.* Методология истории. М., 2006.
- Медведев И. П.* Дипломатика частного византийского акта // Проблемы источниковедения западноевропейского Средневековья. Л., 1979. С. 124-147;
- Медведев И. П.* Очерки византийской дипломатики. Л., 1988.
- Морозов М. А.* Монастыри средневековой Византии: хозяйство, социальный и правовой статусы. СПб., 2005.
- Успенский Ф. И., Бенешевич В. Н.* Вазелонские акты: Материалы для истории крестьянского и монастырского землевладения в Византии XIII–XV веков. Л., 1927.
- Фрейденберг М. М.* Развитие феодальных отношений в византийской деревне в XI–XII вв. // Ученые записки Великолуцкого госпедина-та. Великие Луки, 1956. Т. 2. С. 103-134.

- Acta et diplomata graeca medii aevi sacra et profana / Ed. F. Miklosich, J. Müller. Vindobonae, 1890. Vol. VI. T. 3.
- Actes de Chilandar / Publ. par L. Petit, B. Korablev. Première Partie: Actes Grecs / Publ. par L. Petit // Византийский временник (везде — ВВ.). СПб., 1911. Т. XVII. Приложение I.
- Actes de Vatorédi. Texte / Ed. dipl. par J. Bompaire, J. Lefort, V. Kravari, Chr. Giros. Paris, 2001.
- Actes de Vatorédi. Texte / Ed. dipl. par J. Lefort, V. Kravari, Chr. Giros, K. Smyrlis. Paris, 2006.
- Actes de Xénophon. Texte / Ed. dipl. par D. Papachryssanthou. Paris, 1986.
- Actes de Xéropotamou. Texte / Ed. dipl. par J. Bompaire. Paris, 1964.
- Actes de Zographou / Publ. par W. Regel, E. Kurtz, B. Korablev // ВВ. 1907. Т. XIII. Приложение I.
- Ferrari G. I documenti greci medioevali di diritto privato dell' Italia meridionale e loro attinenze con quelli bizantini d' Oriente e coi papiri greco-egizii. Leipzig, 1910.
- Ferrari G. Registro Vaticano di atti bizantini di diritto privato // Studi bizantini e neoellenici. Roma, 1935. Vol. 4. P. 249-263.
- Kravari V. Les actes privés des monastères de l' Athos et l' unité du patrimoine familial // Eherecht und Familiengut in Antike und Mittelalter. München, 1992. S. 77-88.
- Laiou A. E., Morrisson C. The Byzantine Economy. Cambridge, 2007.
- Prosopographisches Lexikon der Palaiologenzeit / Erst. von E. Trapp u. a. Wienn, 1983. Fasc. 5.
- Saradi-Guelph H. Evidence of Barter Economy in the Documents of Private Transactions // BZ. 1995. Bd. 88, Hft. 2. S. 405-418.
- Simon D. Ein spätbyzantinisches Kaufformular // Flores Legum: H.J. Scheltema antecessori groningano oblata. Gröninge, 1971. S. 155-181.

Вин Юрий Яковлевич, к.и.н., старший научный сотрудник Центра «Проблемы исторического познания» ИВИ РАН; hkn@igh.ras.ru.